

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ МЕТАФОРЫ НЕБЫТИЯ В РАССКАЗЕ А. А. КАБАКОВА
«ПРОЕКТ “БАБИЛОН”»
О. В. Сизых

THE MECHANISM OF ACTION OF THE NON-EXISTENCE METAPHOR IN A. A. KABAKOV'S
STORY «PROJECT “BABYLON”»
O. V. Szykh

Обращение к творческой индивидуальности А. А. Кабакова является актуальным в контексте малого количества работ, исследующих прозу писателя. Новизна исследования состоит в выявлении способа реализации метафоры на материале одного из малоизученных рассказов прозаика.

В статье выявляется механизм действия развернутой метафоры «проект “Бабилон”», олицетворяющей небытие, на материале одноименного рассказа современного писателя А. А. Кабакова. Семантика метафоры раскрывается через взаимодействие канонического (устойчивого) смысла выражения «вавилонское столпотворение», отсылающего к библейской истории, и светского (повседневного) значения ситуации «творения столпа» – элитного дома-башни. Предлагается обновленный метафорический смысл идиомы «вавилонское столпотворение». Состояние «небытия» определяется мотивами смерти и исчезновения человечества, его дьявольского искушения и апокалипсиса, бессмысленности жизни и экзистенциальной фрустрации человека, культурной деградации общества и вселенского хаоса.

Статья опирается на историко-литературный подход, общетеоретической базой которого является работа Н. Д. Арутюновой по теории метафоры.

Теоретическая значимость исследования связана с рассмотрением феномена поэтики постмодернистской прозы. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в вузовских курсах, посвященных актуальным проблемам современной русской литературы.

The address to A. A. Kabakov's creative individuality is actual in the context of small amount of works, investigating his prose. The novelty of the research consists in revealing a method of metaphor realization on the material of one of the writer's little-studied stories.

In the paper the mechanism of action of the comprehensive metaphor «Project “Babylon”» is revealed, which embodies non-existence, based on the story with the same name by the modern writer A. A. Kabakov. The metaphor semantics manifests itself by means of interaction of a canonical (stable) sense of the expression «Babel», referring to the biblical story, and a secular (daily) meaning of the situation of the «pillar creation» – an élite tower house. A renewed metaphorical meaning of the idiom «Babel» is proposed. The state of «non-existence» is determined by motives of death and disappearance of the human kind, its devil's temptation and the Apocalypse, senselessness and an existential frustration of people, a cultural degradation of the society and the ecumenical chaos.

The paper is based on a historical and literary approach, whose academic base is N. D. Arutyunova's work on the metaphor theory.

The theoretical significance of the paper lies in the consideration of the phenomenon of poetics of the post-modernist prose. The practical significance is determined by the possibility of using its observations in university courses, devoted to actual problems of the modern Russian literature.

Ключевые слова: современная русская литература, метафора, библейская легенда, Вавилонская башня, вавилонское столпотворение, небытие, А. А. Кабаков.

Keywords: modern Russian literature, metaphor, biblical legend, tower of Babel, Babel, nonexistence, A. A. Kabakov.

О Древнем Вавилоне существует две легенды: «о постройке города и смешении языков и о возведении башни и рассеянии людей» [5, с. 206], – пишет И. Левин, один из авторов словарной статьи в энциклопедии «Мифы народов мира». Маяк для людей строят «двинувшиеся с Востока» (Быт. 11, 1) для того, чтобы выжившие после Вселенского Потопа не расселились по земле хаотично. Выдающийся русский лингвист и философ Н. С. Трубецкой в работе «Вавилонская башня и смешение языков» говорит об «установлении множественности языков и культур» [7] как о Проклятии Божьем, выражающемся в утверждении естественного закона – диалектического дробления культур. В широком смысле под строительством «Вавилонской башни», вслед за философом, мы понимаем сооружение грандиозного объекта, иллюстрирующего бездуховность человека, его саморазрушение и отрицание бытия. Более точная ха-

рактеристика строительству небоскреба в рассказе А. А. Кабакова видится нам через выражение «сделаем себе имя» (Быт. 11:4), означающее устремления честолюбия и гордыни, прокомментированное еще в 1910-х годах: «прямые и ясные слова Библии, не оставляющие сомнения относительно честолюбивых, властолюбивых и вообще богопротивных намерений у строителей вавилонской башни...» [6, с. 57].

Современное образное понятие А. А. Кабакова «проект “Бабилон”» [4] из одноименного рассказа входит в семантические рамки названного библейского явления, точнее, является его метафорическим порождением. Недвусмысленный намек на известный культурный образ скрыт в описании строительства современного дома. А. А. Кабаков наделяет специфическую ситуацию универсальным бытийным смыслом. Авторский акцент поставлен на национальную принадлежность

людей: «А за забором ворочался голливудским ящером экскаватор и суетились в глубине нулевого цикла *таджики*... Одновременно *молдавские* бригады... подтягивали коммуникации... солидные *украинские* механизаторы управлялись с японской техникой, небольшой коллектив *армян*, ни с кем не общаясь, асфальтировал понемногу площадку...» [4, с. 37]. С первых страниц повествования, обращаясь к древнему сюжету возведения небоскреба, А. А. Кабаков углубляет проблему деструктивности бытия современного человека.

При помощи метафоры «проект “Бабилон”» А. А. Кабаков моделирует мир, в котором человек является элементом трех взаимосвязанных мутирующих реальностей: вселенной, общества и природы. Сразу оговоримся о наличии ироничных комментариев автора относительно плана мегастроительства дома, усиливающих морально-этические отклонения от общепринятых норм человеческого общества. Ирония в социокультурном пространстве рассказа создает нарративные зоны – особые места в тексте с концентрацией смысла за счет функционирования названной метафоры небытия. Ниже проанализированы подобные повествовательные фрагменты, раскрывающие семантику метафоры.

Реальность Вселенной. Главного героя рассказа – президента ОАО «Бабилон» Ивана Добролюбова – автор наделяет статусом строителя жизни людей, их внутренней организации: «Я подумал о душе. И понял, что нужно душе, господу. Небо, вот что. Дом... это только пещера... И как бы ни был высок обычный дом ... это только нарост на земле... и мы, те, кто живет в таком доме, всего лишь дикари... А жить надо на небе. Там хорошо душе, светло и пусто» [4, с. 46 – 47]. Выбранный автором иронический дискурс, заставляет читателя увидеть ничтожность героя, рассуждения которого о душе оказываются несостоятельны. Цель возведения дома как столпа мироздания состоит в реализации мании величия и амбиций главы компании. Метафора «проект “Бабилон”» отсылает к библейской истории, актуализирующей порочные характеристики людей: надменность, высокомерие и заносчивость.

С другой стороны, во фрагменте о душе просматривается танатологический мотив, связанный с бренностью человеческого существования, представленный самим героем с коннотативной оговоркой: «И не надо ждать, пока тебя пригласят туда, пока врачи передадут приглашение» [4, с. 47]. Данный мотив содержательно преломляет авторскую модель бытия современного человека. По мысли А. А. Кабакова, вселенная противится установлению гармонии с индивидуумом. Знаковый образ Вавилонской башни распадается на противопоставленные друг другу образы земли (тело) и неба (душа). Стремление возгордившегося персонажа «достать до небес» [4, с. 47] символизирует разложение его души, потерявшей одухотворяющее начало. Добролюбова автор карикатурно называет «богоборцем». Писатель обращает внимание читателя на призрачную небесную жизнь душ избранных, которая навязывается персонажем окружающим его людям: «...ночью она (душа – О. С.) вылетает в окно и бултыхается в восходящих и нисходящих потоках на уровне привычного этажа. Обычные же человеческие души, покидая... на ночь тела, вынуждены пользоваться дымоходами или вентиляционными шахтами, что неприятно» [4, с. 47]. В кон-

тексте сказанного Добролюбовым познающее начало души и ее жизнеотворяющая сила утрачены. Иван Добролюбов – антигерой, дьявол. При подобном прочтении рассказа можно говорить о другом библейском мотиве – мотиве грешников, идущих на смерть.

Фоновый мотив дьявольского искушения, связанный с образом героя, наделяет рассказ полемиическим потенциалом. Автор словно ведет воображаемую беседу с В. И. Вернадским на тему посягательства человека на божественный миропорядок. Писатель показывает, как персонаж грубо деформирует жизнь. Созвучие рассказа А. А. Кабакова философской мысли В. И. Вернадского [2] видится нам в стремлении современного человека возобладать над традиционным мироустройством, подрывая согласованные между собой основы бытия человека, ввергая его в хаос, состояние небытия. На примере желания героя «соединить землю и небо» [4, с. 47] выявляется особенность авторского миромоделирования – значимость поведенческого аспекта человека. А. А. Кабаков подчеркивает его разрушительную анархическую составляющую. Еще в 1943 году В. И. Вернадский указывал на «стихийный геологический процесс»: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время...» [2, с. 150]. В учении В. И. Вернадского о ноосфере речь идет о появлении разумного человека, способного преобразовать природу Земли, создать условия для развития человечества (равенство людей всех рас и религий, отказ от войн). Философское рассуждение объясняет фатальность современной перестройки Вселенной у А. А. Кабакова: «Законсервировали, в общем, стройку... Стены (дома-башни – О. С.) стали оседать, оплывать... Сгинул «Бабилон»...» [4, с. 50].

Общество как реальность. Родившись в далеком городе Йошкар-Ола, будущий предприниматель Иван Добролюбов узнает о существовании в Нью-Йорке «угнетающих человека домов в сто и даже больше этажей» [4, с. 41]. Индивидуальное бытие героя формируется через детские впечатления о свободе личности: «Он долго рассматривал немного смазанные фотографии небоскребов, вглядывался в мелкое сито окон и пытался представить себе, что вот за каждым таким прямоугольничком есть комната... и в этой комнате... стоит сейчас у окна какой-нибудь человек и смотрит сквозь стекло в пустоту небес... Ваня подумал, что жизнь на небе никак не может угнетать человека» [4, с. 41]. Доминанту мировоззренческого комплекса Добролюбова определяет квартирный вопрос, издавна волнующий и «портящий» (М. А. Булгаков) москвичей. Он же раскрывает причины конфликта героя с обществом: «Разве вы все не живете в моих домах... Где жили раньше вы все... В пятиэтажках вонючих вы жили... в бараках... в скудности и уродстве, в убожестве и смраде... была ваша жизнь» [4, с. 44 – 45]. Реализация эгоистичного желания персонажа сделать себе имя влечет за собой ощущение необходимости изменить жизнь других людей. По мысли автора, современная социальная адаптация человека связана с идеей защиты собственной идентичности. Поэтому, актуализируя свой потенциал в условиях демократизации общества, Добролюбов живет вопреки нормам общественной морали, кичась построенными им «эксклюзивными ре-

зиденциями» [4, с. 45]. Однако призрачный мир Древнего Вавилона имеет собственные внутренние законы. Аномальная сущность большого города с дерзкими представлениями строителей о собственном величии выразительно проявляется в двучастном монологе Добролюбова о душе и жилье, отрывки из которого рассмотрены выше. Естественная реакция его начитанного друга, Тимофея Болконского: «Ты же ведь знаешь про результат первой попытки?» [4, с. 48] воспринимается читателем как посыл к мортальной интерпретации библейской символики. Вавилонская башня исторически доказала невозможность саморазвития человека без опоры на ценностные духовные категории.

Изображая нетривиальное общение персонажа с социумом, А. А. Кабаков, на наш взгляд, безуспешно пытается найти способ спасения человека. В центре авторского внимания находится общественное сознание, представленное через призму индивидуального – герой интуитивно ищет смысл жизни в ином, «душевном» измерении. Коллизия противостояния человеческого «я» и мира кроется в «упадке ценностей и дезориентации общества» [6, с. 5]. Авторская концепция рассказа противоречива и ориентирована на неизбежность фатального исхода для человечества, несмотря на иронию, оставляющую слабую надежду на возрождение человеческого общества. Герой конструирует социальное пространство деятельностью, имеющей противоречивую разрушительно-созидательную траекторию: возводятся сооружение, убивающее город. Авторская манипуляция архитектурным архетипом церковной колокольни углубляет экзистенциальный кризис современного человека.

Реальность природы. Связь человека и его культуры с ландшафтом, о которой историки культуры, философы начали писать еще со времен И. Гердера [3], разорвана. Наступило время, когда идея господства человека над природой прочно укрепилась в сознании человечества, и люди вольны распоряжаться природой по своему желанию: «И зелень вокруг, особенно сильно все разрослось на месте бывшего карьера, прямо как джунгли, потому что там поверх бывшей свалки уложили плодородный слой, и теперь этот сквер Памяти Жертв, поскольку бывшее кладбище тоже перекопали. И конечно, воздух, чище воздуха нигде в городе нет, тут же из окон начиная с четырнадцатого этажа, реку будет видно! И даже микрорайон Нижнее Брюханово... со всеми его промзонами» [4, с. 30]. Процесс возведения дома-башни сопровождает мотив алогичного существования человека. Мотив бессмысленности происходящего актуализирует проблему духовного диалога человека и природы, его разумной организации. В этом плане важны положения концепции В. И. Вернадского о ноосфере. Исследователь вел поиск новой парадигмы мышления для решения названной выше проблемы. В рассказе А. А. Кабакова природная среда преобразуется человеком не по божественному подобию, поэтому собственно пейзажа в тексте нет, а, значит, нет мира красоты и нравственности, который писатели из века в век воплощали в пейзажных зарисовках. Отсутствие пейзажа демонстрирует рассогласованное существование человека и природы.

Обратимся к рекламному плакату строительства элитного жилья. А. А. Кабаков вписывает «природные» фрагменты в урбанистическую местность: «Стены (дома-башни – О. С.) вламывались в темно-синее небо и

исчезали, разметаив облака, теряя очертания в клубящейся черноте верхних воздушных слоев... От тяжелого, расплывшегося основания, возле которого художник разбросал для масштаба мелочь кудрявых роц и густозеленые пятна полей, дом поднимался мощной спиралью, а по галерее, взбиравшейся с этажа на этаж, шли микроскопические люди, некоторые из них смотрели вниз, на землю, которую они оставили, другие же, задрав головы, глядели вверх, в небеса, пока для них неприступные. Прямо жуть брала при разглядывании этой картины, до того огромен был дом, и сумрачно небо, и угрюма земля, и непроглядны рощи, и поля пусты, и люди жалки» [4, с. 35 – 36]. В описании небесного жилища обнаруживаются элементы, указывающие на подробности возведения Вавилонской башни, в частности, спиралевидная дорога, уходящая в облачную мглу. Она созвучна имеющейся последовательности ярусов дома. Лестницу Вавилонской башни, ведущую к храму на вершине, А. А. Кабаков трансформирует в образ темных стен дома, исчезающих в облаках. Мотив исчезновения поддержан сюжетно (пропадают нескольких персонажей рассказа, развлекательное заведение) и метафора «проект “Бабилон”» символизирует погружение мира в фатальную ситуацию, напоминающую апокалипсис: «Небо почернело, вдали загорелись на нем багровые огни... не то цифры проклятого телефонного номера. По этому номеру позвонишь, а там вой какой-то, вопли страшные, пламя гудит» [4, с. 49 – 50]. Канонический текст узнаваем, но секуляризован, что выражается в изменении природных элементов: почерневшего солнца, кровавой луны во время снятия седьмой печати книги Откровения, ознаменовавшей день гнева (Откр. 6: 12-17). Названные апокалиптические атрибуты приобретают новую семантическую модальность. Телефонный номер «666» символизирует Зверя, которому, по легенде, поклонялись люди. В рассказе Добролюбов как автор грандиозных строительных проектов требует преклонения москвичей. Отступление А. А. Кабакова от сакрального сюжета касается и «апокалиптических» зверей: «Пошли в рост на камнях тонкие деревца, поселились в руинах большие, не виданные прежде птицы» [4, с. 50]. Христианская церковь представляет каждого из евангелистов – Матфея, Марка, Луку и Иоанна [8, с. 616] – в виде крылатых существ: человека, льва, вола и орла, которые символизируют вочеловечение, мощь, жертвенное служение и боговдохновенность соответственно. Существа воплощают и космические силы. Обращение А. А. Кабакова к тетраморфам в контексте мотива неминуемого краха современных демиургов, связанного с «богопротивными намерениями» [6, с. 57] человека построить башню, и объясняет индивидуально-авторскую рефлексия по вопросу кризисного состояния общества, христианской культуры и цивилизации в целом. Упомянутая орнитологическая символика в современной прозе А. А. Кабакова выступает альтернативной трактовкой современного образа жизни как воплощения сценария апокалиптического пророчества.

Эмоционально-смысловое природописание предвещает действия героя и жизненные циклы его предприятия. Прием гиперболизированной обрисовки недостроенного сооружения преследует цель изобразить абсурдный образ жизни человека конца XX – начала XXI тысячелетия. Снос кладбища и последовавшая за ним раз-

бивка сквера Памяти Жертв – невероятные, взаимоисключающие друг друга действия людей, свидетельствующие о разрушении обычаев и поколенческой связи. В данном случае глава ОАО «Бабилон» ассоциируется с Антихристом, повинном в крови, пролитой праведниками. Небо как деталь пространства предстает не только обозначением места пребывания богов, но и элементом «свободного проживания избранных умерших людей» [10, с. 561]. Об этом говорит Добролюбов, выступая с монологом о необходимости «жить в воздухе» [4, с. 45] в клубе своего друга. Специфическим подходом к изображению природы автор стремится убедить читателя в том, что без сопричастности к естеству человеческой жизни нет.

Лейтмотив рассказа – смешение языков, запечатлен в конце произведения: «Смешались языки, и не понимают люди друг друга... Неба не достигли, землю же утратили. В вышине над стенами тьма, во тьме над стенами огни, осыпаются стены прахом, и нет уж города, а ведь был». Социокультурная определенность авторского высказывания «Неба не достигли, землю же утратили» проявляется в лаконичном описании гибели столицы. Утилитарное отношение человека к природе, показанное А. А. Кабаковым, исключает изображение глубины человеческой души. Библейская история сообщает выявленным фрагментам пейзажа философское начало. Идея, высказанная В. И. Вернадским, обыграна: возникло новое состояние биосферы земли, но суть его – в экзистенциальной фрустрации человека, утратившего смысл жизни и способность развития, сопряженного с природой. В метафоре «проект “Бабилон”» доминирует мотив потерянности и смерти природы и человека.

Таким образом, интерпретация библейской метафоры вавилонского столпотворения завершается в рассказе

А. А. Кабакова утверждением разрушения общественно-го сознания. Библейская метафоризация действительности приобретает усиленное эстетическое звучание.

Семантика метафоры «проект “Бабилон”» складывается сообразно ее структуре, обнаруживающей два смысловых уровня: 1) канонический, согласно библейской истории, 2) светский – проект строительства элитного жилья.

Взаимодействие структурных уровней актуализирует смысл трансформированной метафоры вавилонского столпотворения. В случае А. А. Кабакова метафорическая модель имеет следующий вид: строительство башни трансформируется в коммерческий проект.

Постмодернистская метафора «проект “Бабилон”» является развернутой, т. к., во-первых, в ее основе – ассоциации по сходству: с названием башни и ее размером; во-вторых, скрытое сравнение осуществляется методически на протяжении всего повествования: от описания возведения постройки до ее фатального разрушения.

В метафоре, как указывает Н. Д. Арутюнова, «отношения между образом и его осмыслением никогда не достигают полной конвенционализации» [1]. Это обстоятельство объясняет авторское введение в текст рассказа мотивов, которые относятся к внесюжетным, раскрывающие философские интенции А. А. Кабакова. Речь идет об инвариантах лейтмотива вавилонского столпотворения (мотив грешников, дьявольского искушения и др.).

В постмодернистском тексте библейский сюжет строительства Вавилонской башни становится символом мировоззренческого разлома человека конца XX – начала XXI веков.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm>
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
3. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
4. Кабаков, А. А. Проект «Бабилон» / А. А. Кабаков // А. А. Кабаков. Московские сказки. – М.: Вагриус, 2006.
5. Левин, И. Вавилонская башня / И. Левин // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т.; под ред. С. А. Токарева. – М.: БРЭ, 2003. – Т. 1.
6. Толковая Библия, или Комментарий ко всем книгам Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А. П. Лопухина: в 12 т. – Т. 1. – М.: 2011. – Режим доступа: <http://www.bible.in.ua/under1/Lop/>
7. Трубецкой, Н. С. Вавилонская башня и смешение языков / Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – 560 с. – Режим доступа: URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-99.htm>
8. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл. – М.: Крон-Пресс, 1999. – 656 с.
9. Чупрак, К. А. Тема Вавилонской башни в нидерландском искусстве XV – XVI вв.: дис... канд. искусств / К. А. Чупрак. – СПб., 2006. – 181 с.
10. Энциклопедический словарь символов; авт.-сост. Н. А. Истомина. – М.: Аст: Астрель, 2003. – 1056 с.

Информация об авторе:

Сизых О. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, +79627300077, 777ruslit@mail.ru

O. V. Sizykh – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Ammosov North-Eastern Federal University.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2014 г.